

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ОБНОВЛЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

Обґрунтовано методологічні основи формування нової парадигми теорії економічного розвитку, його закономірності як креативного процесу, принципи міжсистемних трансформацій.

Одной из наиболее актуальных проблем ренессанса политической экономии, безотлагательность которого в настоящее время никем не отрицается¹, является построение на новой концептуальной основе теории экономического развития, которая, и это хорошо известно, занимает ключевое место в системе политэкономических знаний. По сути, политэкономия – это теория экономического развития. Речь идет об одном из принципиальных отличий политэкономического анализа от прикладных исследований, где внимание акцентируется, прежде всего, на вопросах экономического роста. То же самое можно сказать и о теории economics, которую сейчас позиционируют как альтернативу политэкономии. Показательно в этом то, что в одном из последних изданий “Economics” П. Самуэльсона и В. Нордхауза (1989 г.) проблема экономического развития вообще не рассматривается. Понятие “development” отсутствует даже в “Glossary of Terms”, где приводится только понятие “developed countries”, что, естественно, имеет иной подтекст.

На сложившейся ситуации сказывается, прежде всего, абсолютизация неоклассических принципов теории экономического равновесия, которая **статична** по содержанию. В свое время Й. Шумпетер попробовал вырваться из тисков этого ограничения. Сущность его классической работы “Теория экономического развития” сводилась к “поиску силы”, формирующейся в рамках экономической системы и, по выражению ученого, “непосредственно ее изменяющей”. В этом поиске Й. Шумпетер опирался, как отмечал он сам, на “Капитал” К. Маркса, где экономическое развитие рассматривается как “специфически обусловленный самой экономической системой процесс”².

В 1970–1980-х годах, а также на рубеже XX–XXI вв. появился ряд фундаментальных работ западных ученых, прежде всего социологов, в которых предпринята попытка сформировать новую парадигму общественно-исторического развития.

¹ Привлекает внимание проведенная в 2010 г. Институтом экономики РАН и другими научными институтами конференция “Есть ли место политэкономии в современной экономической науке”, посвященная проблемам политической экономии (см.: “Вопросы экономики” № 8, 2011). См. также: Б е к У. Влада і контрвлада у добу глобалізації. Нова світова політична економія. К., “Ніка-Центр”, 2011, 408 с.; Б о д р и й я р Ж. К критике политической экономии знака. М., “Академический проект”, 2007, 335 с.; Б у з г а л и н А., К о л г а н о в А. Политическая экономия постсоветского марксизма. “Вопросы экономики” № 9, 2005; Г р и ц е н к о А. Політична економія: актуалізація проблематики. “Економічна теорія” № 1, 2012, с. 5–20; Т а р а с е в и ч В. Політична економія: ім’я власне, широкий смисл і предметний простір. “Економічна теорія” № 1, 2012, с. 21–34.

² Ш у м п е т е р Й. Теория экономического развития. М., “Прогресс”, 1982, с. 52, 53.

Однако соответствующий поиск лишь частично коснулся экономических исследований, где продолжают доминировать давным-давно девальвированные принципы экономического и технологического детерминизма, приоритеты homo economicus. В итоге у нас есть все основания для констатации того, что и сегодня новая парадигма “development studies”, которая бы отражала реалии современных экономических преобразований, в частности – растущую самодостаточность человека, реализацию его креативного потенциала не только в качестве субъекта, но и в качестве непосредственного объекта экономического процесса, соответственно, прогрессирующую социологизацию экономического пространства, его дематериализацию, остается не сформированной. Сошлемся в этом на мнение Э. Морена. “Развитие, которое рассматривается исключительно как технический и экономический процесс, включая и устойчивое развитие, – писал по этому поводу в 1999 г. выдающийся французский социолог и философ, – превращается в ничто; такое развитие не выдерживает критики. Нам необходимо более богатое и сложное понимание развития”³.

Вместе с тем поднятая теоретическая проблема уже давно вышла за рамки чисто академической тематики. Человечество едва ли не впервые в своей истории столкнулось с жестким ограничением потенциала своего развития и соответственно экономического роста. Как отмечает известный российский ученый М. Чешков, речь идет о ситуации, генерируемой в пределах треугольника “развитие – выживание – катастрофа”⁴. Собственно, эта идея получила подтверждение и на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2012 г.), прошедшем под лозунгом “Великая трансформация: формирование новой модели развития”. В этой связи хотим привлечь внимание к научным публикациям ученых постнеклассического и постмодернистского направлений теории, в которых, вопреки их концептуальной противоположности, поднимаются принципиальные проблемы соответствующей тематики. Украинская наука имеет достаточный интеллектуальный потенциал, чтобы активно присоединиться к такому поиску. Его отдельные методологические аспекты поднимаются в представленном анализе, где внимание акцентируется, прежде всего, на принципах формирования новой модели развития – как инновационно-творческого процесса, в частности, на его постматериальной направленности, специфике механизмов, формирующихся в пределах метасистемных трансформаций. Именно эти аспекты теории экономического развития, по нашему мнению, наиболее дискуссионны, следовательно, заслуживают особого внимания.

Развитие как творческий процесс

Стержневая идея нашего анализа сконцентрирована в этом подзаголовке. Мы будем говорить об общетеоретических основах нового канала экономического процесса, не только субъектом, но и одновременно объектом которого является интегрированный в экономическую систему человек. В данном случае понятие “развитие” рассматривается как “положительное изменение сущностных сил человека” (В. Васильчук), накопление и реализация его творческого потенциала. Речь идет об **антропосоциоцентристской** определенности рассматриваемой модели экономического развития, в которой функцию энергетического начала берут на себя человек, творческая личность, ее бесконечное стремление к новому, порожденное генетикой человека, отображающее его сущностное определение. В теории В. Вернад-

³ М о р е н Э. Образование в будущем: семь неотложных задач. В кн.: “Синергетическая парадигма”. М., “Прогресс-Традиция”, 2006, с. 60.

⁴ Идея развития: возможность обновления. Материалы научного семинара. “Мировая экономика и международные отношения” № 2, 2007, с. 80.

ского энергетика человека — консолидирующая основа ноосферы. Она реализуется как геологическая сила, как энергия науки, человеческой культуры, как креативность, связанная с психической деятельностью человека, с развитием его сознания и разума.

Модель экономического развития, о которой идет речь, имеет двойственную специфику. Она объединяет в себе объективные и субъективные начала, траектории самоорганизации экономического процесса и в то же время его целенаправление. Механизмы самоорганизации обеспечивают функционирование экономики на основе имманентной рефлексивности, собственных жизненных принципов. Речь идет о механизме спонтанного порядка (spontaneous order), самообеспечении предельного равновесия экономической системы, сбалансированном кругообороте ее структурных элементов, воспроизводстве их жизнеспособности в определенных пространственных и временных параметрах.

Механизмы самоорганизации присущи не только экономической реальности. Способность к эволюционному саморазвитию, которое реализуется на основе собственного энергетического потенциала, — фундаментальный признак системного строения мира в целом. “Что такое эволюция — теория, система, гипотеза?” — задает вопрос П. Тейяр де Шарден и формулирует следующий ответ: эволюция есть “не-что гораздо большее, чем все это: она — основное условие, которому должны подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, — вот что такое эволюция (выделено мной. — А. Г.)”⁵. Вряд ли можно не согласиться с таким определением. Другое дело, что каждая историческая эпоха порождает свои проблемы, касающиеся определения специфических особенностей эволюционного саморазвития.

В этой связи уместно отметить, что принципа саморазвития придерживался и К. Маркс. Опираясь на идеи А. Смита, он, естественно, был последователен в своем отношении к двум наиболее значимым научным открытиям ученого — трудовой теории стоимости и теории самоорганизации экономики. “Я смотрю на развитие экономической общественной формации, — отмечал К. Маркс в первом томе “Капитала”, — как на естественноисторический процесс”⁶. Знаменитые схемы расширенного воспроизводства, представленные в третьем томе “Капитала”, отражают именно эту логику — логику спонтанной самоорганизации экономики.

В то же время мы должны учитывать ограниченности механизмов экономической самоорганизации. Они не отражают инновационную логику развития, лишены целенаправляющей функции, подчеркивают принципы формирования спонтанного равновесия экономической системы в ее статическом состоянии. Именно эта статичность стала, как мы уже отмечали, предметом критики экономической теории классической и неоклассической школ со стороны Й. Шумпетера. Рынок в работах А. Смита и Д. Рикардо слеп. Его функционирование непосредственно не связывается с определениями ориентиров, касающихся достижения некоего комплекса целей экономического развития. Спонтанный отбор осуществляется рынком по принципу “сегодня на сегодня” лишь с учетом текущих результатов, состояния экономической системы “на данный момент”. Достижимая рынком упорядоченность не содержит в себе определенной цели.

Представители неоклассической школы экономической мысли не смогли преодолеть соответствующую ограниченность теоретических взглядов своих предшест-

⁵ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., ООО “Издательство АСТ”, 2002, с. 225.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

венников. В теории общего экономического равновесия Л. Вальраса, которого Й. Шумпетер считал “величайшим экономистом”, представлен “замкнутый кругооборот”, в котором функцию целенаправляющего развития берут на себя внешние факторы⁷. Указывая на выдающееся значение теории экономического равновесия Л. Вальраса и приравнивая ее к научному наследию Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетер в то же время акцентирует внимание на ее “пассивности”. Лишенная внутренних источников развития, экономическая жизнь в соответствующей интерпретации “всего-навсего приспосабливается к тому влиянию, которое оказывают на нее природа и общество”⁸.

Выдающимся научным вкладом Й. Шумпетера в методологию экономического анализа стало обоснование теоретической модели инновационного развития как **внутридетерминированного процесса**. “Внутри экономики, — отмечает ученый, — формируется источник энергии, вызывающий нарушение равновесия”. Таким источником является энергетический потенциал предпринимателя-новатора, который, в отличие от “просто хозяина”, проявляет способность к творческому разрушению, “делать не так и не то, что делают другие”, формировать “новые комбинации факторов производства” и тем самым изменять устоявшийся ход воспроизводственного процесса⁹.

В этих определениях принципиально значимы акценты не только на внутренней интегрированности механизмов инновационного развития, но и на их целенаправляющей функции, что не всегда учитывается. Между тем **целенаправляющая функция — основа инновационного развития**. Развитие как выход за рамки существующих институциональных и организационных определений, создание новых форм и утверждение нового качества экономической реальности всегда корреспондирует с реализацией определенной цели. Это общепризнанное правило. Экономика не может быть исключением из него. Экономика — это не просто кругооборот, а одновременно функционально направленный механизм утверждения нового. Жизнеспособность экономики определяется не только и не столько ее способностью к самоорганизации, сколько потенциалом динамического самообновления, способностью к целенаправленному развитию. Другое дело — степень и субъектная специфика этой урегулированности, которая на каждом этапе экономического развития, естественно, системно изменяется, наполняется новым содержанием. Это происходит и в современных условиях. Новая парадигма экономического развития в первую очередь представляет собой переход от преимущественно инерционной рыночной самоорганизации экономики к ее развитию на основе укрепления ноосферических начал, формированию нового (предельного) типа экономического роста.

Мы настаиваем на антропосоциоцентристской специфике данной парадигмы, на том, что концептуальной основой ее характеристик является принципиальное уточнение места человека в экономике, его определение как реального центра, начала и непосредственной цели экономического процесса, его субъекта и одновре-

⁷ Соответствующие обобщения в этой методологии опирались на эволюционную теорию Ч. Дарвина, которая открыла перспективы соответствующим исследованиям не только естественных, но и общественных наук. Собственно, XIX в. (его вторая половина) стал, по сути, веком Дарвина: не только биология, но и физика, астрология, геология, антропология, как и экономическая наука (в том числе теоретические исследования К. Маркса и Ф. Энгельса), развивались под влиянием его эволюционной теории, согласно которой естественный отбор осуществляется под влиянием внешней среды. На соответствующих методологических постулатах основывалась, как известно, и теория социалистической экономики.

⁸ Ш у м п е т е р Й. Указ. труд, с. 53.

⁹ Т а м ж е, с. 148–204.

менно объекта. Отображением такого сочетания цели и функции является обусловленная всем ходом общественно-цивилизационного прогресса растущая самодостаточность людей, принципиально новые параметры свободы выбора, возможности углубления которых в пределах канонической экономики в значительной мере исчерпаны. В новой системе отношений человек перестает быть частичкой экономики и превращается лишь в ее функциональный “кирпичик”. Экономика же, наоборот, становится тем, чем в действительности является констатирующий ее человек. Такая экономика перестает быть гомогенно унифицированной, ее доминирующим началом есть ориентированные на человека горизонтальные связи, гетерогенность. В настоящее время это уже не лозунг, а реальность, с которой нельзя не считаться. Как засвидетельствовал проходивший в этом году форум в Давосе, мировая политическая и экономическая элита начинает все больше осознавать данную истину.

Важно понять и то, что отмеченный вектор эволюции не сужает, а, наоборот, расширяет энергетический потенциал экономики. Все более понятным становится то, что энергетический потенциал системно унифицированной экономики фактически достиг предела своих возможностей. Новые пласты незадействованной энергетики человека размещаются не в плоскости нового цикла системной интеграции и унификации, как на этом продолжают настаивать отдельные политики и ученые, а на противоположном фланге — в бескрайних просторах индивидуального, в сфере идентификации свободы как олицетворения реальной индивидуальности. В соответствии с этим ослабляется дееспособность крупных экономических формирований, которые обычно позиционировались как “символы” индустриализма. Эпоха доминантности “массивного” остается в прошлом. Как пишет З. Бауман, “теперь быть меньшим, более легким и более подвижным — это признак совершенства и прогресса”¹⁰.

Рассмотрим эти вопросы более предметно. Они касаются, прежде всего, нашего толкования понятия “креативная деятельность”, которое является более широким по сравнению с обычной трактовкой понятия “репродуктивный труд” и ассоциируется не только с созданием продукта обмена, но и со всем очеловеченным миром, с которым взаимодействует человек и который определяется как “сконструированная человеком реальность”. “Креативность, — писал в этом контексте И. Пригожин, — есть способ нашего участия в этой конструкции”¹¹. В данном смысле креативность всегда инновационна, ее доминирующим началом является творчество. Мы говорим о творчестве как о “пути к самому себе”, как об одном из определяющих атрибутов самоутверждения личности, реализации собственного “Я”. Отсюда наши оценки креативности не только как способности к творчеству, не только как “непрерывно возобновляющееся творчество” (А. Бергсон), но и как основного поля для самореализации творческого потенциала человека, внутренней потребности личности в творчестве.

Наше понимание развития как творческого процесса основывается на этих методологических обобщениях. Их стержневой идеей является принципиальное уточнение вопроса, касающегося определения специфичности предмета экономического развития. Если каноническая теория сосредоточивается на развитии как на наращивании материального богатства, то в новой интерпретации соответствующей проблемы речь идет о выходе за пределы чисто материальной определеннос-

¹⁰ Бауман З. Текущая современность. М., “Питер”, 2008, с. 20.

¹¹ Пригожин И. Определено ли будущее? М., Институт компьютерных исследований, 2005, с. 145.

ти экономической реальности, о доминантности всего комплекса продуцирующих процессов, связанных с развитием человеческой личности, ее интеллектуального богатства, креативно-духовного потенциала.

В данном случае мы говорим о расширенном воспроизводстве человека не только как субъекта производства товаров, но и как субъекта и объекта экономического процесса в их органичном сочетании. **Производящая товары экономика трансформируется в экономику расширенного воспроизводства человека, экономику человека.** Современная реальность убедительно доказывает, что повестка дня экономики производства товаров в значительной степени исчерпана. В ней не остается места для креативных инноваций. Основопологающим для системных инновационных трансформаций становится определение механизмов трансформации экономики товара в экономику человека. Другой альтернативы в настоящее время нет.

Прогрессирующая дематериализация экономического пространства

Новая парадигма экономического развития, методологические принципы которой мы стремимся обосновать, — это составляющая теории прогрессирующей дематериализации экономического пространства. Речь идет не о механическом отрицании (по чьему-то проекту) экономики в ее каноническом, то есть исключительно материальном контексте. Суть проблемы состоит в другом: соответствующая экономика переросла себя; она достигла (в своей потенции) такого уровня совершенства, когда теряется смысл ее дальнейшего развития на существующей основе. Это сказывается на трансформационных процессах: экономика перестает понимать саму себя — деформируются ее информационная и рефлексивная функции, принципы равновесия, рациональные начала. Как результат, растет значимость субъективных основ экономики, прогрессирует гуманизация экономического пространства, в конце концов, формируется новый тип экономической реальности — **антропосоциотристская экономика**, в которой социальное и экономическое пространства не просто обуславливают друг друга, но и представляют собой неделимую системообразующую целостность. Новый генотип экономического развития мы связываем со становлением именно такой парадигмы экономики, экономики, которая размещается “по ту сторону собственно материального производства” (К. Маркс). Экономическая теория столкнулась с системной неаргументированностью, прежде всего, этих, фундаментальных по своей методологической нагрузке, процессов.

Речь идет не только о расширении трактовок параметров экономического пространства, но и о новых акцентах в определениях его результативности. Для антропосоциотристской экономики интерес представляет не столько чисто экономическая (в канонической определенности), сколько социально-экономическая эффективность, социально-экономическая открытость и равновесие, последовательная гуманистическая (человекоутверждающая) направленность. В этой системе координат регулируемую функцию приобретают морально-этические детерминанты, реализующие себя как неформальные регуляторы, то есть мы говорим о своеобразном “масштабе моральных оценок”, которые в системе социально-экономических отношений выступают в качестве “регуляторной идеи”, конкретизирующей границы возможного и невозможного в экономике.

Конечно, не существует и не может существовать общего для всех времен и народов определения сути морально-этических приоритетов, которым должна подчиняться экономика. В соответствии с христианскими ценностями, С. Булгаков выделял морально-этические доминанты, которые позиционировал, прежде всего, как гарантии свободного развития человека. Мы имеем в виду признание за каждой личностью равного и абсолютного достоинства, реализацию в экономической деятель-

ности заповеди любви к ближнему, социальной справедливости и толерантности, требование как можно более полного утверждения прав и свобод личности и т. д.

Соответствующий “масштаб моральных детерминант” был актуален и на предыдущих этапах развития, однако в наши дни, как нас на каждом шагу в этом убеждают общественно-экономические реалии, его значимость на порядок весомее. Экономическая наука должна найти в себе методологические ресурсы для органичной интеграции в системные определения своего теоретического анализа и очерченных позиций. Это важно с точки зрения не только формирования в обществе экономической культуры и экономического мышления, но и экономической практики, обеспечения действенности экономической политики, динамизма экономического развития, имеющийся потенциал которого в настоящее время во все большей степени ограничивается социальными и морально-этическими факторами роста.

Следует учитывать и то, что система социальных, психологических, моральных и этических отношений намного сложнее, чем чисто экономических. Эта сложность связана с многоцелевой определенностью социального, тогда как экономика в своих канонических обобщениях моносистемна. Наконец, она подчиняет свои детерминанты одноцелевым определениям – получению “большего за меньшее”. В этом смысле доминантность социального (в его широком контексте) – это путь не упрощения (как может показаться на первый взгляд), а существенного усложнения всей системы общественных, в том числе экономических, отношений.

Анализируя эти процессы, мы осознаем, что прогрессирующая дематериализация экономики, ее вступление в новую полосу системных преобразований – это не механическое отрицание, а логическое продолжение экономики техногенной (индустриальной) цивилизации, конструктивный тип ее прогресса, инновационного развития. Постматериальная реальность – это не “внешняя” по отношению к канонической экономике реальность. Системную определенность формирующегося экономического пространства характеризуют растущая открытость, многоуровневая целостность, синергетичность и коммуникативность. В этом пространстве размещается и сфера материального производства, ценности которого не девальвируются, а только встраиваются в качественно новую систему экономических ориентиров. Следовательно, речь идет о корреляции доминирующего начала экономики, исходной точкой которой становятся гуманистические ценности и ориентиры, о формировании новой многоструктурной по своим функциональным характеристикам экономики, фокусирующейся на антропологическом измерении своих результатов, экономики, в которой человек находит себя, воспроизводит себя не только как субъект, но и как объект продуцирующего процесса.

Еще одна принципиальная определенность состоит в следующем: с проблемой утверждения антропосоциентристской экономики связан ряд вопросов, касающихся **ноостических процессов, прогрессирующего расширения сферы разума, сознательного**. Эти процессы в свое время были всесторонне обоснованы А. Бергсоном, В. Вернадским и П. Тейяром де Шарденом и сейчас привлекают внимание научной общественности. Речь идет о фактическом ренессансе теории ноогенезы, об оценке нашей эпохи как такой, где ноостические преобразования приобретают критические параметры, становятся реально ощутимыми, переходящими из сферы чисто академических оценок в практическую плоскость. В настоящее время для каждого непредубежденного аналитика очевидна растущая актуальность соответствующих обобщений: достигнув своего мыслящего состояния, жизнь, общество в целом, в том числе и экономика, не могут реализовываться структурно, не поднимаясь на более высокие ступени сознательного. Мы имеем в виду принципиаль-

ную закономерность, согласно которой **развитие отождествляется с системным углублением сознательного, сводится де-факто к этому процессу. Углубление сознательного становится критерием развития, служит его мерой** ¹².

Постановка проблемы, касающейся действенности нооэкономических тенденций, — это не игра в дефиниции. Ее безотлагательность определяется набирающим обороты усложнением экономического процесса и поиском адекватных механизмов его уравнивания. Накопление все большей сложности формирует фундамент генерации жизни, является ее сутью, основой экспансии сознательного. Экономика в своей эволюции отображает эту закономерность. В данном контексте нооэкономические процессы корреспондируют с формированием **онлайновской сетевой Интернет-экономики, экономики знаков — “кибернетической экономики с электронной нервной системой”** (М. Кастельс). В нашем понимании информационная сеть в этом случае интерпретируется как эксклюзивный инструментальный нооэкономики. Американский ученый Э. Девис ¹³ называет утверждение экономического киберпространства, в котором циркулируют только символы и знаки, началом “второго мира”, который должен “изменить наш материальный мир”.

В настоящее время сетевые нооэкономические структуры оцениваются как наиболее перспективная форма воспроизводства экономических коммуникаций. Формируя виртуальное экономическое пространство, они реализуются как кластеры экономических отношений, приоритетным началом которых является расширенное самовоспроизводство информации и знаний, приобретающих статус доминирующего производственного ресурса, основной формы богатства. В этом смысле ноосетевая экономика органично вписывается в концепцию экономики человека, которую М. Кастельс идентифицирует как экономику “персонифицированных отношений”, экономику “сетевое индивидуализма”, “я-центрированных сетей” ¹⁴.

Наиболее дискуссионной в этом отношении является проблема рыночных трансформаций. В экономической литературе все большее распространение получает точка зрения, согласно которой развитие сетевой экономики оценивается как отрицание рынка. Такая позиция требует принципиальных уточнений. Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. и его нынешняя эскалация — это чрезмерность не рынка, а государства, беспрецедентный рост государственного потребления как антипода рынка. Так, в 2009 г. государственные расходы в странах зоны евро достигли 51,5% ВВП, и этим все сказано. Наиболее наглядно это демонстрирует положение в Ирландии, где в 1997–2001 гг. соответствующий показатель составлял 33,9%, а в 2010 г. — 66,8% ¹⁵. О каких обвинениях в адрес рынка в этой ситуации может идти речь?

Но дело не только в этих параметрах. Рассматривая поставленный вопрос, не следует забывать о том, что именно рынок выступает в экономике как ячейка разума, как живой организм, отличающийся высокой адаптивностью, способностью не только накапливать информацию, но и адекватно реагировать на ее флуктуации, самосовершенствоваться. Когда речь идет об осязаемом ослаблении в современных условиях когнитивной функции рынка, то следует учитывать, с одной стороны, системную неадекватность его нынешних институциональных определений,

¹² См.: Г а л ь ч и н с к и й А. Принципы ноогенезы в контексте учения В. Вернадского. “Экономика Украины” № 5, 2010, с. 16–29.

¹³ Д е в и с Э. Техногенезис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург, “Ультра, Культура”, 2007, с. 271–319.

¹⁴ См.: К а с т е л ь с М. Интернет-галактика: Міркування щодо Інтернету, бізнесу і суспільства. К., “Ваклер”, 2007, с. 63, 128, 130.

¹⁵ См.: European Economic Forecast. Autumn, 2011, p. 222.

а с другой — смысловое и семантическое несоответствие реалиям новой экономики информационных потоков, механизмов их идентификации и измерения, логически-понятийных конструкций. Наконец, мы должны осознавать, что инновационные возможности рынка проявляются на расстоянии от равновесия. Чем дальше от равновесия, тем рынок становится инновационно более дееспособным, усиливаются его обратные связи с нерыночными, прежде всего социальными, политическими и духовными, факторами развития экономики. На этой основе актуализируются механизмы самосовершенствования — рынок становится не только сложнее, но и структурно дифференцированное и гибче.

Соответствующие процессы происходят и в наши дни: под влиянием описываемых нами экономических трансформаций рынок раздваивается. На уровне традиционной экономики действуют механизмы конкурентного рынка, а транзакции формирующейся новой социэкономике, в свою очередь, все в большей степени демонстрируют функциональную неадекватность конкуренции, и с этим нельзя не считаться. Альтернатива этому — новая (параллельная) функциональная модель рыночных отношений — **конвергентный рынок**. Следовательно, есть основания говорить о еще одной очень значимой проблеме методологического переосмысления действующей теории экономического развития.

В этом контексте речь идет о механизмах транзакций нематериальных ценностей, прежде всего знаний и информации как основного производственного ресурса постиндустриальной эпохи, ценностей, не подчиняющихся законам редкости и предельной полезности, а следовательно, и конкуренции. Соответствующую функцию принимает на себя конвергенция, которая становится действенной в первую очередь как атрибут отношений партнеров по “производству” информации и знаний, приумножению интеллектуального богатства, как инструмент обмена “доверия на доверие”, механизм накопления и реализации социального капитала. П. Тейяр де Шарден называл конвергенцию “высшей ступенью гармонизированной социальности”, “синтезом центров”, отношениями “Я” с другим “Я”. Если конкуренция унифицирует, то конвергенция дифференцирует, выступает механизмом вариационности экономического развития, его гетерогенизации. В данном случае взаимодействующие субъекты не поглощают друг друга, не утрачивают свою оригинальность, а, взаимообогащаясь, сохраняют свою уникальность, остаются самими собой¹⁶. Растущая актуализация этих позиций определяется логикой современных общественных трансформаций, несущих на себе признаки межсистемных преобразований. Следовательно, говорить о новой парадигме теории развития можно только с учетом метасистемной специфики отмеченных преобразований. Рассмотрим их наиболее значимые методологические определения.

Принципы межсистемных трансформаций

Актуальность метода межсистемных трансформаций состоит в том, что на его основе формируются методологические предпосылки переосмысления механизмов возникновения в экономическом процессе инновационно “нового”. Каноническая методология рассматривает этот вопрос, опираясь на принципы так называемой линейной логики, согласно которой “возникающее” (“новое”) оценивается с позиций существующего — как его продолжение, самообогащение. Метод межсистемных трансформаций основывается на противоположном. Его фундамент составляет логика нелинейной динамики, при которой “новое” выступает не как системно детерминированное, а как альтернативная вероятность (возможность). В этом

¹⁶ См.: Г а л ь ч и н с ь к и й А. Економічна методологія. Логіка оновлення. К., “АДЕФ-Україна”, 2010, с. 543–558.

случае преемственность и самообогащение системы в их функциональном измерении утрачивают свою ведущую значимость. Преемственность уступает место ситуации хаоса и бифуркации. Кризисы межсистемных трансформаций становятся воплощением именно такой логики, изменениями, происходящими не согласно традиционной циклической динамике “равновесие – кризис – восстановленное равновесие”, а согласно более сложной логике: **“порядок – бифуркация и хаос – качественно новый порядок”**. “Новое” возникает из бифуркации и хаоса, то есть из переходного, системно не определенного состояния.

Понятно, что в таких условиях меняется конфигурация взаимозависимости между действительным (реальным) и будущим. В процессе метасистемных циклов будущее перестает быть предсказуемым; оно больше не основывается на принципах теперешнего. Как результат, во-первых, утверждается принцип необратимости процессов; во-вторых, нарушается временная симметрия; в-третьих, прекращают действие присутствующие предыдущей системе принципы причинно-следственного детерминизма, рационального развития, общественного равновесия, формирующие фундамент экономической методологии. Наконец, экономика в своих трансформациях приобретает признаки развития сложных неупорядоченных диссипативных (рассеянных) синергетических систем. Рассмотрим базовые определения этих процессов с акцентами на тех аспектах метаэкономических преобразований, которые непосредственно связаны с новациями в экономической методологии и обуславливают безотлагательную необходимость переосмысления ее базовых конструкций.

Мы исходим из того, что разграничение трансформационных процессов, реализующихся в рамках циклической амплитуды одной конкретно определенной системы (эпоха индустриализма, капитализм, рыночные отношения или другое), и межсистемных преобразований имеет, вне всякого сомнения, не только важное теоретическое, но и прикладное значение. По всем признакам кризис 2008–2009 гг. представляет собой одно из проявлений метасистемного кризиса. Между тем практически вся имеющаяся теоретическая база анализа цикличности основывается на моделировании экономических трансформаций, происходящих в рамках конкретно определенной системы, отражающих историческую этапность именно такого типа развития. Теория “длинных волн” Кондратьева не является исключением. В ее основе лежит логика “больших циклов” эпохи индустриализма. Ее “подстраивание” (как это имеет место во многих исследованиях) к анализу современных глобальных экономических преобразований не может быть результативным. В настоящее время человечество переживает системные преобразования, отрицающие логику индустриализма, являющиеся ее противоположностью.

Мы говорим о смене общественно-исторических эпох, переходе не просто от индустриального к постиндустриальному, а от материально детерминированного к трансматериальному способу производства, от “царства необходимости” к “царству свободы”, от предыстории к действительной истории развития человечества. Мы ведем речь об эпохе, в процессе становления которой “меняется все” (Э. Тоффлер). С учетом этого совершенно естественна, по нашему мнению, постановка И. Валлерстайном вопроса о “конце знакомого мира”, завершающей стадии развития современной миросистемы, которая, достигнув точки бифуркации, “вряд ли будет существовать через пятьдесят лет”¹⁷.

Еще категоричнее в своих выводах российский ученый А. Неклесса, который отмечает, что сейчас человечество шаг за шагом приближается к “центру циклона – крупномасштабному транзиту, который изменит не только политические, право-

¹⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., “Логос”, 2004, с. 5, 181.

вые, экономические основы практики, но и непосредственно восприятие человеком базовых ценностей природы и бытия. В этом контексте набирающее силу постиндустриальное общество он рассматривает как заключительное звено современной цивилизации и одновременно как первую ступень или, возможно, и пред-ступень какой-то еще не понятной нам, не осмысленной наукой “фундаментальной цивилизационной альтернативы”, как контур “постцивилизационной эпохи”¹⁸. Известный украинский философ С. Крымский рассматривал эту эпоху как пост-историю. Все эти оценки подтверждают актуальность теоретических обобщений, касающихся логики межсистемных трансформаций, принципы которой мы пытаемся смоделировать. Современные вызовы в мировой экономике, которые пока еще остаются не осмысленными наукой, размещаются в плоскости этой логики.

Анализируя механизмы межсистемных трансформаций, мы акцентируем внимание, прежде всего, на **конструктивной функции бифуркации**, ее инновационной направленности: сущностные общественно-инновационные, в том числе экономические, трансформации возможны только в активной фазе развития системы. “Структура, — отмечают Е. Князева и С. Курдюмов, — возникает в хаосе и из хаоса. Хаос организует. Разрушая, он строит”¹⁹. Цикличность общественно-исторического процесса подтверждает этот вывод. Западная цивилизация, как это глубоко аргументировал А. Дж. Тойнби, возникла после падения Римской империи из хаоса, продолжавшегося в Европе почти три века подряд. Период первоначального накопления капитала — период возникновения капитализма — это также период хаоса и бифуркации.

Эти акценты чрезвычайно важны для характеристики генезы “нового”. Бифуркация и хаос рассматриваются в нем не как аномальное отклонение, а как составляющая динамических процессов. Это принципиально значимая методологическая констатация: **состояние бифуркации отражает жизнеспособность системы, развитие через усложнение**. Такое состояние, согласно И. Пригожину, является платой за возможность утверждения нового, более жизнеспособного порядка. “Новое” возникает из неоднородного (противоречивого). Именно в фазе бифуркации в системе формируются “инновационные сигналы в виде флуктуаций”. Благодаря таким сигналам система обретает способность “прощупывать” возможности нестандартных трансформаций. На этой основе формируются специфические волны сущностных корреляций.

В этой плоскости важно еще и другое: в фазе бифуркации и хаоса не только возникают инновационные сигналы, но и проявляются ведущие интегральные силы, выступающие организующим началом инновационных корреляций. Эта позиция очень значима в системном обновлении экономики, где именно на фоне кризиса, наряду с дезинтеграционными процессами, открываются каналы преодоления противоположностей и их конвергенции. В этом случае под конвергенцией мы понимаем конструктивное взаимодействие разнокачественных элементов переходной (сложной и неоднородной по своему содержанию) синергетической экономической системы. Именно конвергенция утверждается в условиях бифуркационных процессов как базовая взаимозависимость, реализует себя как консолидирующая сила экономического процесса. Следовательно, бифуркация и хаос, с одной стороны, формируют инновационные сигналы, а с другой — утверждают специфиче-

¹⁸ См.: Н е к л е с с а О. Реконфігурація сучасного світу. У кн.: “Економіка знань: виклики глобалізації та Україна”. К., НІСД, 2004, с. 219, 225; Н е к л е с с а А. Трансфинитная экономика. “Экономические стратегии” № 3, 2010, с. 19.

¹⁹ К н я з е в а Е., К у р д ю м о в С. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., “URSS”, 2007, с. 145.

ческие, основанные на принципах конвергенции организационные начала, продуцирующие соответствующие сигналы.

С учетом этих обобщений, по нашему мнению, наименее дееспособными в инновационном контексте являются не переходные (гетерогенные по своей структуре), как это обычно трактуется в научных исследованиях, а устойчивые экономические системы, которые в процессе своего утверждения и саморазвития смогли подчинить своим определениям функциональные составляющие (подразделения) и на этой основе приобрели гомогенные (системно целостные) признаки. Такие системы в перспективе оказываются нежизнеспособными (в инновационном контексте) образованиями. Речь идет о том, что достижение системной целостности — это не только высший, но и конечный пункт соответствующих трансформаций, это начало упадка, самоотрицания системы (фаза ее устойчивости) и одновременно начало распада и гибели (фаза, в которой инновационный потенциал развития находится в угнетенном состоянии). Как писал по этому поводу Н. Моисеев, “устойчивость, доведенная до своего предела, прекращает любое развитие. Она противоречит принципам изменчивости”²⁰.

Когда мы делаем акцент на том, что эпицентром современных глобальных экономических вызовов являются не страны с развивающейся экономикой и даже не страны постсоциалистического мира, а, прежде всего, страны Запада с внутренне сбалансированными, системно целостными социально-экономическими структурами, то ответ относительно причин такой неординарной ситуации лежит, по нашему глубокому убеждению, в плоскости приведенных обобщений. В свое время мы не заметили, что во второй половине 1980-х годов “споткнулись”; как пишет В. Иноземцев, не только административная (закрытая), но и рыночная (открытая) экономика не придали значения аргументированным обобщениям ученых Римского клуба о достижении ею “предела роста”. Экономика Запада сумела обрести в последние два десятилетия ускорение благодаря интенсивному освоению рынков постсоциалистических стран. В настоящее время этот резерв в основном исчерпан.

Другая методологическая позиция в процессе межсистемных трансформаций связана с тем, что **изменяется каноническая модель причинно-следственных взаимозависимостей**. Преодолевается ньютоновский по своему содержанию принцип универсальности экономических связей, согласно которому, как отмечал Э. Тоффлер, “одинаковые условия всегда приводят к одинаковым результатам, а вся Вселенная состоит, если так можно выразиться, из бильярдных киев и шаров, которые в переносном смысле представляют причины и следствия”²¹. Мы убеждены, что читатель осознает всю “пикантность” поднятой проблемы. Это касается не только действующей политики институциональных преобразований, но и святая святых экономической теории — концептуальной определенности экономических законов, которые в своей основе отображают универсальность причинно-следственных связей.

Поднимая эту сверхактуальную проблему, мы исходим из того, что альтернативой универсальным причинно-следственным детерминантам является не беспричинность, недетерминизм в целом; речь идет о другом — об отрицании общих определений причинности. Синергетическая (диссипативная по своей структуре) экономика — это не беспричинность, а самопричинность. Структурные элементы такой экономики развиваются на основе собственного энергетического потенциала, методом самовозбуждения и самоорганизации, комбинации случайного и необходимого, действуют “от себя” — через “собственную свободу” как самопричинность.

²⁰ Моисеев Н. Алгоритмы развития. М., “Наука”, 1987, с. 42.

²¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., АСТ, 2004, с. 489.

Мы имеем в виду специфичность “самостоятельно утвердившейся”, “вероятностной”, “индивидуализированной”, “гибкой” причинности, базирующейся на методологических оценках случайности не как отклонение от нормы, а как фундаментальная определенность общественных, в том числе экономических, трансформаций. Окружающий мир, общественная среда формируются за счет “непрерывно непредсказуемых инноваций” (А. Бергсон). В итоге силу обретает идея, согласно которой, как пишет российский философ К. Делокаров, “окружающий нас мир еще не имеет центра и универсальных причинных целей”; “в нем отсутствуют и те универсальные законы, которые делали возможным его познание в классическом и неоклассическом смысле”²².

Наряду с этим к числу методологических “узлов”, формирующих действующую конструкцию экономической теории, относится принцип рационализма, характеризующийся как “твердое ядро” экономических отношений, основа их формализации, предсказуемости, внутреннего порядка и институциональных определений. Реалии межсистемных трансформаций вносят принципиальные коррективы и в эти базовые взаимозависимости. **Эпоха материально рациональной детерминированности отходит в прошлое.** Когда исчезают “абсолютные истины”, когда наступает “царство случайности”, когда “сложность проникает в суть самого порядка вещей”, пишет по этому поводу известный французский философ Ж. Рюс, “ratio сходит со своего пьедестала”²³.

В качестве альтернативы канонической модели в 1960-х годах были выдвинуты теория “ограниченной рациональности” (Г. Саймон), а затем – концепция “доминантности иррационального”. Как отмечает Ю. Осипов, экономика становится преимущественно иррациональной, рассматривая современные процессы. В итоге выстраивается динамический ряд экономических трансформаций: рациональность – ограниченная рациональность – доминантность иррационального (несознательного, интуитивного). Такая взаимозависимость может иметь место, однако и она требует принципиальных уточнений. Мы отмечали, что логика цивилизационных преобразований формируется на основе принципа возрастающей значимости ноостических начал общественно-исторического процесса. Экономика не может быть исключением. Ее базовая тенденция – не отрицание “рационального разума”, а, наоборот, его экспансия и самосовершенствование. С этих методологических позиций следует оценивать и формулу “ratio сходит со своего пьедестала”. Речь должна идти об отрицании не ratio вообще, а материально детерминированного ratio, ratio системно унифицированной личности, ratio персонифицированного “Я”, ratio homo economicus. В новых условиях соответствующую миссию берут на себя персонифицированная рациональность, рациональность самоидентификации и самоутверждения собственного “Я”, метафизическая по своему философскому содержанию рациональность, берксоновская рациональность креативной личности.

В этой системе взаимозависимостей важна и другая линия анализа, которую отстаивает всемирно известный немецкий философ Ю. Хабермас, различающий два вида рациональности: ориентированную на успех и на взаимопонимание. Ученый вводит понятие “коммуникативная рациональность”. Речь идет о рациональности “согласия”, “интерсубъективных отношений”, рациональной модели горизонтальных отношений между социализированными субъектами. “Коммуникативный

²² Д е л о к а р о в К. Синергетика и познание социальных трансформаций. В кн.: “Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности”. М., “Прогресс-Традиция”, 2003, с. 18–19.

²³ С м.: Р ю с Ж. Поступ сучасних ідей: Панорама новітньої науки. К., “Основи”, 1998, с. 625.

рациональный разум, — отмечает ученый, — выражает себя в децентрализованном понимании мира”²⁴. Когда мы говорим о приоритетности горизонтальных связей в экономике, о растущей значимости отношений конвергенции, то совершенно логичной будет их взаимозависимость с принципами “коммуникативного рационализма”.

Соответствующую методологическую взаимозависимость мы видим и в современных определениях экономического равновесия, центральным звеном которого во все большей мере (в зависимости от степени его цивилизационной зрелости) становится воспроизводство (расширенное) богатства личности. Речь идет о **нелинейном** (динамическом) **равновесии диссипативного типа**, которое характеризуется, во-первых, приоритетностью горизонтальных (прямых и обратных) связей; во-вторых, доминированием принципа самоорганизации каждого отдельного сегмента экономической системы, развивающегося на собственной основе и подчиняющегося автономным закономерностям; в-третьих, утверждением отношений, не поддающихся унифицированной логике экономической полезности, выходящих за грани экономического детерминизма, являющихся постматериальными, индивидуализированными. В конце концов, мы исходим из того, что определяющим в соответствующей модели равновесия является не столько взаимозависимость воспроизводственных факторов экономики, сколько формирование баланса социальных, духовных и экономических составляющих общественного процесса, баланса между свободой и креативностью личности, которая всегда коллективно ассоциирована. Что касается равновесия чисто экономических факторов (*c*, *v*, *m*), то оно реализует себя как равновесие второго, производного, порядка.

Мы понимаем, что экономической науке предстоит пройти достаточно долгий путь, чтобы не только придать этим методологическим обобщениям системную (прежде всего политэкономическую) определенность, но и перевести их на язык прикладных обобщений. То же самое можно сказать и о корректировке практики экономических реформ в Украине, о которых мы можем говорить только в концептуальном (мировоззренческом) контексте. К тому же мы имеем в виду процессы, сочетающие в себе не только действующие, но и метасистемные (трансцендентные) элементы экономической реальности, которые еще только зарождаются, а следовательно, их нельзя оценивать с позиций существующей практики. Принцип “практика — критерий истины” здесь неуместен. Однако это, по нашему убеждению, ни в коей мере не девальвирует значимость поднятых проблем.

Представленный анализ основывается на принципах оптимистического конструктивизма общественно-исторических, в том числе экономических, трансформаций. Конечно, мы не исключаем возможность “ошибочных ходов истории” (К. Ясперс), но все же должны исходить из того, что “крот истории, — как любил выражаться К. Маркс, — роет глубоко”, что даже в условиях растущей разбалансированности современной эпохи, присутствия в ее теле не только разновекторных, но и альтернативных (в частности, определяющих обратную траекторию эволюционной динамики) начал, социально прогрессивное в логике исторического процесса будет прокладывать себе путь. В данном анализе мы руководствовались и этим принципом.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2012 г.

²⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., “Весь Мир”, 2003, с. 143–172.